

падеже множественного числа существительных мужского рода (Petrović, GC, 161) в м. общесербохорватской иновации *-ima* (Vaillant, там же); *-am* (соотв. *-amì*) в дательном (соотв. творительном) множественного числа имен существительных женского рода (Petrović, GC, 163), напр. *dávam seno krávam* «даю сено коровам» (соотв. *gr'bavimi nogami* «растопыренными ногами») в м. *-ima* (соотв. *-ama*) в общесербохорватском (Vaillant, II, § 144, стр. 66—67).

В говоре Карашовы сохраняются и другие интересные морфологические архаизмы: в области образования степеней сравнения имен прилагательных, в склонении кратких форм личных местоимений, в образовании будущего времени и повелительного наклонения (Petrović, GC, 170, 173, 190, 207). Можно предполагать, что исследование этого говора по вопроснику, составленному с учетом истории и структуры славянских языков, в первую очередь, конечно, сербохорватского, выявит и другие, не менее интересные архаизмы.

И в малоизученном, пока, сербохорватском говоре Свиницы были обнаружены некоторые морфологические архаизмы: *-ove* (*-eve*) во множественном числе существительных мужского рода (ср. то же явление в говоре Карашовы, см. выше) и окончание *-e* в дательном падеже единственного числа имен существительных женского рода (ЖБВ, 2/1961, стр. 83), ср. с хр. лит. *-i* (Vaillant, II, § 152, стр. 93).

Отдельные морфологические архаизмы встречаются и в тех славянских говорах РНР, которые отделились относительно недавно от данного общего языка. В этом смысле можно было бы остановиться, например, на болгарском говоре села Попешть-Леорденъ, где у имен существительных мужского рода, обозначающих лиц, в единственном числе, ещё сохраняется древнее морфологическое (и синтаксическое) различие между падежом субъекта и падежом прямого дополнения: *âc съм нѣтър* «Я Петр!», но *убѣтъм нѣтър* «Люблю Петра». (ср. Стойков, Бълг. диал., 138). Здесь же мы записали архаическую форму винительного падежа среднего рода личного местоимения 3-го лица *и*, восходящую к древнеболгарскому *ю* (ср. Стойков, там же, 155), как, например, в предложении *аз и рѣтъ ѣѣбѣѣ* «я его (кучето=собаку) кормлю хорошо». В общеполгарском языке древние формы винительного падежа и для мужского рода и *ѣ* (*ю*) для среднего исчезли очень рано. «Употребление в среднеболгарских памятниках старых форм винительного *и* и *ѣ* является исключительно традиционным» (Мирчев, Ист. грам. б. яз 167).

Морфологические архаизмы содержат и наиболее новые на территории нашей страны говоры — польские: ср. *pod oknom* «под окном» в польском говоре села Булай Сулавского района (Киц.-Деб.) и общепольск. *pod oknem* (Vaillant, II, § 140, стр. 56 и § 161, стр. 121).

§. 14. Синтаксических архаизмов в славянских говорах РНР до сих пор не обнаружено.

По-видимому, синтаксическим архаизмом является следующая конструкция, записанная акад. Э. Петровичем в украинском говоре Бродины (сохраняем транскрипцию РЛА': *čelovec crásnîm vól(1)osom* (ответ, полученный на вопрос 6809 вопросника РЛА «Cum ziceți unui om cu părul roșu?» см. РЛА II, том I, стр. 2). В данном случае перед нами